

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.581'373.612.2'22:003.212«198»

Астрамецкий Владислав Сергеевич

старший преподаватель,
соискатель кафедры теории
и практики китайского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Uladzislau Astrametski

Senior Lecturer, Degree-Seeking
Applicant of the Department
of Chinese Theory and Practice
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
v_s_astrametskiy@mail.ru

МЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА 80-х гг. XX в.

METAPHOR IN THE SYSTEM OF SIGNS OF CHINESE MODERNISM OF THE 1980s

Статья посвящается исследованию общих вопросов семиотики китайского модернизма 80-х гг. XX в. и, в частности, вопросу определения семантико-смыслового статуса метафоры, репрезентирующей универсалии языковой картины мира (ЯКМ) в рассматриваемый период. Обосновывается подход к выявлению смыслообразующей функции метафоры в пространстве ключевых концептуальных сфер модернизма (ККСМ): субъектность, ирония, фасцинация. Устанавливаются механизмы метафорического смыслообразования в контексте субъектности, иронии, фасцинации как векторных концептуальных направлений модернистского мышления, отраженного в языке.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: *метафора; семиотика; модернизм; знак; субъектность; ирония; фасцинация; ЯКМ.*

The article is devoted to the study of general issues of the semiotics of Chinese modernism of the 1980s and, in particular, to the issue of determining the semantic status of metaphor that represents the universals of the linguistic image of the world in the examined time period. The approach to identifying the sense-making function of metaphor in the space of key conceptual spheres of modernism (subjectivity, irony, fascination) is substantiated. The mechanisms of metaphorical sense-making in the context of subjectivity, irony and fascination as conceptual vector directions of modernist thinking reflected in language are established.

К e y   w o r d s: *metaphor; semiotics; modernism; sign; subjectivity; irony; fascination; LIW.*

Реальность современного мира демонстрирует уникальный потенциал искусственного интеллекта, способного в обозримом будущем анализировать и переводить тексты практически любого стиля и жанра. Однако знаки художественной системы, в том числе метафоры, входящие в ее структуру, оказываются для цифровой программы сложными, т. к. адекватная интерпре-

тация и объяснение языковых явлений, в данном случае, доступны лишь человеческому разуму. Тем самым, в научной парадигме современных семиотических¹ исследований художественного языка китайского модернизма (КМ) 80-х гг. XX в. актуализируется необходимость его изучения как репрезентанта специфики ЯКМ Китая последних десятилетий XX в.

Метафору КМ характеризует то, что она формируется под влиянием внешних и внутренних факторов и ее развитие происходит в русле двух категорий: традиции и новаторства. Таким образом, синкретизм метафор как элементов КМ заключен в их особой функциональной роли: они служат инструментом объединения прошлых достижений национальной культуры с ценностями новой реальности, в процессе чего порождаются новые языковые образы и смыслы.

Объектом настоящего исследования выступает метафора, понимаемая расширительно как знак семиотической системы КМ 80-х гг. XX в., вербализирующий универсалии ЯКМ Китая в рассматриваемый период. Предмет – семантико-смысловая специфика метафоры в контексте ККСМ (субъектность, ирония, фасцинация), картирующих систему знаков рассматриваемого дискурса как пространство смыслообразования.

Целью исследования является установление и описание семантико-смысловых паттернов метафоры, раскрывающих ее потенциал в контексте константных сфер модернизма, отражающих универсалии ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.

Лингвистическая проблема изучения КМ как системы знаков, выражаемых в языке посредством определенного типа кодирования, в том числе метафорического, потребовала использования исследовательского инструментария современных научных теорий: семиотики с опорой на понятийно-терминологический аппарат комбинаторной семантики в сочетании с теоретическими аспектами литературоведческих и лингвокультурных направлений. Работа с языковым материалом осуществляется средствами методов сплошной выборки, концептуального, контекстуального и сопоставительного анализов.

Источником исследования служат аутентичные, репрезентативно значимые модернистские тексты (фрагменты) китайской прозы 80-х гг. XX в.: 韩少功 «爸爸爸», 莫言 «透明的红萝卜», а также впервые переведенная на русский язык автором данного исследования повесть 刘索拉 «你别无选择». Исследовательский корпус представлен 227 метафорами.

Базовые положения семиотической теории разрабатываются и дополняются в научных трудах О. М. Готлиба, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, Р. О. Якобсона, В. Миньяя и др. Общетеоретические вопросы отражения стереотипов ЯКМ в языке исследуются в работах Т. Аошуан, В. В. Виногра-

---

¹ Семиотика – наука о знаках и знаковых системах. Согласно дефиниции Ю. М. Лотмана, семиотикой называют науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения [1, с. 6].

дова, У. Эко и др. Семиотику как подход к анализу комбинаторно-семантического потенциала языковых знаков, раскрывающих специфику картины мира, рассматривают М. В. Влавацкая, А. Н. Гордей, В. В. Мартынов, Ф. Б. Успенский и др. Проблемы метафорики исследуют Н. Д. Арутюнова, В. И. Телия и др.

Сопрягая семиотическое исследование знаков КМ с исходными понятиями комбинаторной семантики, мы ориентируемся на концепции данной теории, согласно которым специфика языка раскрывается в отношении к модели мира [2, с. 33]. С точки зрения современных исследователей, основу процессов мышления составляет некий код, «конструирующий модель мира, которая затем интерпретирует язык» [3, с. 10]. В семиотических исследованиях «поиск функционального отношения между элементами языковой системы следует начинать прежде всего в области синтаксиса и семантики» [4, с. 125].

Рассматривая особенности метафорики КМ, мы принимаем за аксиому существующие в современной науке результаты исследований, доказавших, что модернизм как лингвокультурное явление Китая демонстрирует отход от классического воссоздания картины мира в сторону специфического отражения среза реальности [5; 6; 12], где субъектность, ирония и фасцинация составляют смысловое ядро контекста.

В современной науке метафора выступает как многоплановая единица, в отношении которой существуют два лингвистических подхода, осуществляемых в рамках строгой дизъюнкции: бинарный и унарный¹. В актуальных направлениях лингвистики (О. С. Зубкова, П. Рикер, В. Н. Телия и др.), на которые мы ориентируемся, метафора постулируется как знак языковой парадигмы, обладающий двойственной природой (наличие прямого и переносного значения): «Метафора отбирает признаки одного класса объектов и прилагает их к другому классу или индивиду – актуальному субъекту метафоры. Взаимодействие с двумя различными классами объектов и их свойствами создает основной признак метафоры – её двойственность» [7]. Таким образом, метафора содержит в себе два значения: буквальное (прямое), указывающее на смысл первого плана, и собственно метафорическое (переносное), которое порождает новые ассоциативные ряды и служит образованию новых смыслов и коннотативных слоев.

Раскрывая семантику метафоры, мы учитываем смыслообразующий потенциал ККСМ, к которым относим субъектность, иронию, фасцинацию. Субъектность как сфера модернизма (М. М. Бахтин, Н. К. Хузиятова, Гао Синцзянь и др.) стремится «обнаружить “истинную сущность”, “природу” человека, “Я”, “Другого”, вычленить априорную, асоциальную структуру человеческой личности, <... >, исследуя структуры бессознательного, языка,

---

¹ «Теории “семантического взаимодействия” рассматривают метафору на уровне смысла, т.е. значение здесь понимается как то, что в теории Фреге называлось “смыслом” (Sinn)»; [В унарной] «модели не предусмотрено никакого другого значения, кроме того, которое имеется в ней изначально...» [11, с. 149].

повседневности, коммуникации» [8, с. 87]. Использование новых языковых форм и способов выражения позволяет видеть в модернистах «самоопределяющихся субъектов и, значит, участников процесса формирования новой субъектности [9, с. 110]. Ирония как смысловая категория (М. Бредбери, В. П. Руднев, И. Славов, Х. Ортега-и-Гассет и др.) становится своего рода тактикой выражения действительности, репрезентацией художественного знака как искусства, позволяющего комбинировать и варьировать различные «образы» семиотического пространства. «Высокий модернизм всегда ироничен, также как древнее искусство было религиозно. Подобно тому, как чувство сакрального вело к видению потусторонней реальности, давая ей основание и предопределяя смысл, также ирония открывает <...> вибрирующую атмосферу воображения и исподволь рождает методы создания вещей» [10, р. 50]. В субъектно-ироничном языковом поле авторского текста метафора выполняет также роль fasciniрующего механизма, передающего код культуры. Метафора как знак, обладающий семантикой fascинации, описана в работах Ю. В. Кнорозова, В. М. Соковнина, М. А. Стрельцовой и др. «Метафора лежит в основе всех видов семантической fascинации она является fascinatorным стимулом ассоциативного мышления» [12, с. 150].

В исследовании механизмов метафорического смыслообразования мы используем трехступенчатый подход, где первый уровень предполагает определение прямого и переносного значений метафоры; второй – выявление смысловых слоев метафоры, обусловленных влиянием ККСМ (субъектность, ирония, fascинация); третий – рассмотрение семантико-смысловой природы метафор как единиц выражения смысла модернистского целого. Обращаясь к понятию *концептуальная сфера* относительно семиотической системы китайского модернизма 80-х гг. XX в., мы рассматриваем его как некое идейно-понятийное поле, отражающее специфику национального мышления, репрезентируемого автором в пространстве языковых знаков модернистского текста (МТ). Иными словами, означаемое языкового знака обусловлено влиянием ККСМ, которые эксплицируют его семантику. Исследуя влияние ККСМ на природу метафорического знака, мы исходим из того, что одна из идейно-понятийных сфер обуславливает характер конкретного знака наиболее очевидным образом, хотя, при этом, другие ККСМ могут образовывать дополнительные коннотации в одном и том же знаке.

Рассмотрим пример метафоры, семантико-смысловая природа которой обусловлена субъектностью, а дополнительный коннотативный слой – имплицитной авторской иронией:

前几年,有几个骑自行车的人被马车揉到闸下,有的摔断了腿,有的摔折了腰,有的摔死了。‘Несколько лет тому назад был случай, когда люди, ехавшие на велосипедах, столкнулись с встречной повозкой и упали прямо в шлюз – одни покалечились, другие разбились насмерть’¹.

---

¹ Мо, Янь. Прозрачная красная редька / Янь Мо // Папапа. Современная китайская повесть. Антология. – 2017. – 1-е изд. – URL: https://royallib.com/read/han_shaogun/papapa_sovremennaya_kitayskaya_proza.html#255196 (дата обращения: 01.02.2025).

Прямое значение метафоры – ‘авария, в результате которой люди были травмированы либо погибли’. Возникающие ассоциации позволяют декодировать семантико-смысловую природу метафоры-знака и выявить ее истинное (переносное) значение, обусловленное комбинацией конкретных знаков. Рассмотрим ключевые элементы конструкции, придающие ей метафорический смысл: если прямое значение знака 马车 mǎchē – ‘повозка’, то переносное (собственно метафорическое) значение, раскрывающее ассоциативный образ, возникающий в сознании как «копия мира» [13, с. 56] – ‘прошлое’; прямое значение знака 自行车 zìxíngchē – ‘велосипед’, метафорическое – ‘настоящее’; прямое значение знака 闸 zhá шлюз – ‘яма дамбы’; метафорическое – ‘культурная революция’, которая, как пропасть, поглотила судьбы людей; прямое значение конструкции 有的摔断了腿, 有的摔折了腰, 有的摔死了 – ‘одни покалечились, другие разбились насмерть’; метафорическое – ‘революция (прошлое) коснулась всех’, ‘от событий революции пострадал каждый’. Смысловое ядро метафоры определяется ее контекстуальным значением: ‘переживаемая травма и ее последствия для каждого субъекта ситуации’ (субъектность), а также дополнительной коннотацией, обусловленной скрытым ироничным повествованием автора, формирующим семантику метафоры, воспринимаемой как ‘грусть’, ‘печаль’, ‘сожаление’, ‘сочувствие’ или ‘обида’.

Таким образом, получившая преломление в аспектах модернистской субъектности тема «коллективной травмы», переживаемой каждым индивидом лично, подтверждается наличием метафор, представляющих собой типичный образец дистрибуции признаков, характерных для рассматриваемого дискурса в целом, что подтверждается в исследованиях современных ученых [5; 9; 10].

В тексте 莫言 «透明的红萝卜»¹ (здесь и далее перевод наш – А. В.) нами выявлены примеры фасцинаторного смыслообразования в метафоре: обнаружено 8 близких по смыслу комбинаций, раскрывающих один и тот же знаковый образ, семантико-смысловая природа которого обусловлена фасцинацией. Также выявлено, что в некоторых из выявленных метафор субъектность и ирония формируют дополнительные коннотативные слои. Рассмотрим несколько примеров данного фасцинаторно-метафорического ряда:

1. 他的手扶住冰凉的白石栏杆, 羊角锤在栏杆上敲了一下, 栏杆和锤子一齐响起来。倾听着羊角铁锤和白石栏杆的声音往事便从眼前消散了。
Данное предложение открывает ряд метафор, порождающих фасцинирую-

---

¹ 莫言. 透明的红萝卜//透明的红萝卜 / 莫言著. – 莫言文集; 4. – 北京: 当代世界出版社, 2003. – 第 1–43 页. = Мо Янь. «Прозрачная красная редька» / Янь Мо. Собр. Соч. в 12 томах. – Т. 4. – Пекин: Изд-во «Современный мир», 2003. – С. 1–43.

щий образ 'звон'. Прямое значение метафорической конструкции – 'разговор глухонемого ребенка с объектами природы' – указывает на субъектность изображения и традиционную близость субъекта с природой. Прямое значение знака 声音 shēngyīn 'звон' (досл.: 'звук' – А. В.) в трактовке толкового словаря: «Звон, -а, м. – звук, производимый ударами, колебаниями чего-н. металлического, стеклянного, колокола, колокольчика, бокалов» [14]). Означающее комбинации знаков 声音 shēngyīn 'звон' раскрывается посредством формирования в сознании образа внеязыковой природы, имеющего природу невербального явления. При этом знак 声音 'звон' выступает как элемент, декодирующий сложные отношения героя – субъекта с объектом, где субъект – глухонемой ребенок, который «слышит» голос неодушевленных предметов (объектов). Комбинация знаков 锤子 chuǐzi 'молоток' и 栏杆 lángān 'перила' формирует новый стереотипный образ – 声音 shēngyīn 'звон', декодируемый как 'голос', 'сообщение' [природы] («коммуникация» глухонемого ребенка и природы).

2. 黑孩听到头上响起一阵风声, 感到有一个带棱角的巴掌在自己头皮上扇过去, 紧接着听到一个很脆的响, 象在地上摔死一只青蛙。Прямое значение комбинации знаков 一个很脆的响, являющихся ключом к декодированию метафоры, – 'звук звонкого шлепка'. Метафора порождает в сознании реципиента образы 'ребенка-лягушки' и 'звона' от удара ладонью по голове, которые трансформируются в еще один ассоциативный образ с новой коннотацией: 'звук падающей на землю лягушки, [со звоном] разбивающейся насмерть'. Метафоричное значение комбинации знаков раскрывается в слиянии образов 'ребенок' и 'лягушка', что вызывает ассоциацию незащитности и уязвимости субъекта ситуации ('голый, слабый лягушонок'). Фасцинирующий эффект нарастает посредством введения автором метафорического знака 青蛙 qīngwā 'лягушка' – многозначного символа в китайской ЯКМ: 1) существо, которое может адаптироваться к окружающей среде, легко пребывая и в воде, и на суше (таким образом, в этом смысле образ 'ребенок' обладает семантикой символа 'единения с природой'); 2) символ пробуждения и расцвета природы, перерождения; 3) жаргонное значение: некрасивый человек (следует отметить, что знаки 'уродство', 'ущербность', 'физическое несовершенство' являются специфическим атрибутом языковой модели модернизма).

3. 一根长长的梢儿发黄的头发沾在窝窝头上。姑娘用两个指头拈起头发, 轻轻一弹, 头发落地时声音很响, 黑孩听到了。Прямое значение конструкции 头发落地时声音很响 – 'волос звонко упал на землю' (предмет, в силу притяжения, падает на землю); метафоричный смысл выявляется ассоциативно: 1) комбинация знаков 头发 tóufa 'волосы; волос; прическа' [15] и 声音 shēngyīn 'звук; звучание; перен. голос' [Там же] формирует образ музыкальной струны ('волос'), которая издает звон, то есть 'что-то говорит,

сообщает глухонемому ребенку»; 2) 'тонкий волос' выражает хрупкость бытия: звон не является свойством данного предмета ('волоса') и его употребление «привлекает» звуком ('звоном'), расширяет семантику метафоры коннотацией 'драматизм существования субъекта' и указывает на уязвимость, хрупкость, кратковременность жизни человека, что уже выступает специфической смысловой характеристикой модернизма в целом.

Таким образом, декодирование семантики метафор в приведенных примерах раскрывает смысловые аспекты, присущие знаковой системе модернизма в целом: синтезированный характер, сформировавшийся в результате влияния западного опыта (введение приемов фасцинации, с коннотациями субъективизма и иронии) и национальной языковой традиции, которая выражается в близости человека и природы (так называемый «поиск корней»). Если представить метафоры в виде линейной схемы, то можно получить сжатую модель, отражающую процесс формирования образов, семантика которых обусловлена ККСМ.

Метафорические структуры с эффектом фасцинирующего воздействия выявлены в системе знаков МТ 刘索拉 «你别无选择» (перевод наш – А. В.). Нам удалось обнаружить, что вербализированные автором образы невербальной природы выступают типичным признаком организации языкового пространства, приобретая фасцинаторно-метафорическое «звучание». Например, комбинации знаков с элементом 声 shēng 'звук' употребляются в тексте 96 раз (как самостоятельный знак 声 shēng 'звук' употребляется 6 раз); комбинация знаков 和声 'музыкальная гармония' – 16 раз; комбинация знаков 铃声 'звонок на урок' – 4 раза. Означаемым знака 声 shēng 'звук' выступает 'музыка'; его характеризует метафоричная звуковая какофония, вызывающая ряд ассоциаций: 'звук – 'шум', 'помехи', 'грохот'. Данная мысль подтверждается примерами: 种种噪音 'разнообразные звуки'; 满楼道的轰鸣 – 'наполненное грохотом помещение'; 机器噪音 – 'шум заводских механизмов'; 发出巨大的声响 – 'издавая оглушительные звуки', общий смысл которых – 'дисгармония музыки'. Затем происходит развертка семантической структуры знака 声 shēng 'звук', и образ 'музыка' приобретает смысловые значения 'стройность', 'красота', 'прелесть', 'чистота', 'гармония', которые становятся «звуковым фоном» всего сообщения (фасцинаторный эффект) и формируют его смысл в целом. Например, в комбинациях: 超脱尘世包含无限的音响! 'Звуки бесконечности, свободные от оков бренного мира!'; 钢琴上滚动出来那些谐和美妙的音响 'чистые, прекрасные звуки', 'доносящиеся от пианино'; 更遥远更神秘, 更超越世俗但更粗野更自然的音响 'звуки более далекие' и 'таинственные, более возвышенные, но при этом дикие и естественные'; 简单动人的声音 'простая, но трогаящая за живое музыка', референтный образ – 'гармония музыки'.

Характеристики метафорического образа-звука ‘музыка’ формируются посредством fasciniрующего эффекта, а также приобретают коннотации, обусловленные субъектностью и имплицитной иронией. Fascинация не ограничивается вербальными сигналами, и в языке КМ используются знаки неязыковой природы: цветовые, слуховые, зрительные раздражители.

Ирония как ККСМ является специфическим инструментом формирования семантико-смысловой природы метафор м. Рассмотрим примеры из текста 韩少功 «爸爸爸» (в переводе Н. К. Хузиятовой)¹:

1. 那把剪刀剪鞋样, 剪酸菜, 剪指甲, 也剪出山寨一代人, 一个未来。’

‘Этими ножницами делали выкройки для обуви, шинковали капусту, стригли ногти – и ими же кроили новое поколение жителей горной деревушки’. Буквальное значение метафорической комбинации знаков 剪出一代人 ‘кроили новое поколение жителей’, где ключевой элемент ‘кроить’ – ‘разрезать на куски, соединять детали, сшивать людей’. Переносное (собственно метафорическое) значение комбинации знаков 剪出一代人 – ‘создавать новых людей’, где означаемое знака 剪 jiǎn ‘кроить’ выводится посредством ряда ассоциаций: ‘перерезать пуповину’, ‘сделать кесарево сечение’, ‘произвести аборт’. Переносный смысл метафоры обусловлен имплицитной авторской иронией.

2. 她剪下了不少活脱脱的生命, 自己身上落下的这团肉却长不成个人样。

‘Мать Бинцзя скроила немало новых жизней, но комок мяса, который вышел из ее тела, так и не смог стать человеком’. Прямое значение метафоры 剪下了不少活脱脱的生命 – ‘скроила немало новых жизней’, то есть ‘сшила новые жизни из кусков и деталей’. Однако подлинный смысл состоит в том, что ‘рожденное женщиной существо (团肉 ‘комок мяса’) выросло отсталым, недоразвитым, физически несовершенным, уродливым. Ирония проявляется в метафоре введением в языковое поле семантико-смысловой оппозиции 生命 ‘новые жизни’ [‘новорожденный’] и 团肉 ‘комок мяса’ [‘новорожденный’].

Как видим, переход на смысловой код посредством иронии заключается в установлении ее особой функциональной значимости, направленной на актуализацию и восприятие целостного образа метафоры, где глубинные смыслы проявляются также и в сфере субъективизма.

На основе проведенного методом сплошной выборки анализа можно сделать выводы о том, какие метафоры отражают специфику модернистского дискурса. Данные выводы основаны на суммарном числе метафорических выражений, обусловленных субъектностью, иронией, fascинацией, присутствующими КМ в целом. Полученные результаты приведены в таблице.

---

¹ Шаогун, Хань. Папапа / Хань Шаогун // Папапа. Современная китайская повесть. Антология. – 2017. – 1-е изд. – URL: https://royallib.com/read/han_shaogun/papapa_sovremennaya_kitayskaya_proza.html#73477 (дата обращения: 25.01.2025).

Суммарное число метафорических выражений в контексте ККСМ

№ п/п	Источники	ККСМ		
		субъектность	ирония	фасцинация
1	韩少功 «爸爸爸»	28	16	20
2	莫言 «透明的红萝卜»	31	20	27
3	刘索拉 «你别无选择»	42	31	12
Итого:		101 (36 %)	67 (40 %)	59 (24 %)

Представленные результаты позволяют утверждать, что метафора художественного дискурса является способом отражения реальности и высвечивает направления индивидуализированного авторского мышления. Смыслообразующая функция метафоры в китайской прозе 80-х гг. XX в. обусловлена влиянием основных ККСМ: субъектностью, иронией и фасцинацией, которые выявлены во всех исследуемых текстах. Семантико-смысловой характер метафор, обусловленный субъектностью, определен в 101 выражении (28/31/42 соответственно), что составило 44 % от общего числа метафорических единиц, представленных во всех трех произведениях; ирония как смысловое ядро метафоры присутствует в 67 выражениях (16/20/31), что составляет 30 %; фасцинаторным эффектом обладают 59 метафорических единиц (20/27/12), что представлено 26 %. Следовательно, субъектность чаще всего (44 %) выступает в роли механизма, обуславливающего природу метафорического знака (комбинации знаков). Метафоры, смысл которых обусловлен авторской иронией, составляют 30 %, метафоры с фасцинаторным характером – 26 %.

Таким образом, рассмотрев основания методологии семиотического подхода к анализу языковых знаков КМ, ориентированного на комбинаторику языковых знаков и установление семантико-смыслового статуса метафоры в контексте основных условий ее функционирования (субъектность, ирония, фасцинация), а также основываясь на результатах проведенного нами исследования аутентичных текстов модернистской прозы, приходим к следующим выводам:

1. Языковую природу метафоры модернизма как семиотического знака, отражающего специфику ЯКМ Китая 80-х гг. XX в., определяют лингвокультурные и исторические факторы, указывающие, что данный знак: 1) обладает синтезированным характером (метафора сформирована под влиянием национальных стереотипов и специфических образов западного модернизма); 2) репрезентирует отход от шаблонно-политизированного языка прозы предшествующего периода (десятилетие «культурной революции») в сторону нового субъективного отражения реальности; 3) в семиотической системе модернистского дискурса занимает одну из ключевых позиций, служащих раскрытию смысла целого.

2. Продемонстрированный подход к исследованию метафоры в контексте ККСМ, основанный на исходных понятиях семиотики с ориентацией на комбинаторный потенциал системы знаков художественного языка, служит

выявлению механизмов метафорического смыслообразования путем экспликации значений знака, т. е. разграничения прямого (буквального) значения, отсылающего к ложному образу, и переносного (собственно метафорического), которое позволяет декодировать возможные коннотативные слои метафоры. Данный подход позволяет рассматривать метафору в трех аспектах: во-первых, как особую многоплановую единицу МТ; во-вторых, как способ формирования новых коннотаций; в-третьих, как процесс декодирования целостного смысла системы знаков модернистского дискурса.

3. Метафоры линейно пронизывают языковое поле системы знаков модернизма, векторно устанавливая смыслы знаков его семиотической системы. Семантико-смысловую природу метафоры обуславливают ККСМ, являющиеся специфическим свойством пространства знаков модернистского дискурса: субъектность, ирония, фасцинация. Данные ККСМ служат механизмами метафорического смыслообразования, а также устанавливают комбинаторно-семантическую логику знаков метафорической конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю. М.* Люди и знаки / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – 6 с.
2. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
3. *Гордей, А. Н.* Семантический синтаксис и комбинаторная семантика / А. Н. Гордей // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы). – Минск, 2006. – 4.2. – С. 9–13.
4. *Гордей, А. Н.* Семантика метасемантики / А. Н. Гордей // Уч. Зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Сер. Филология. – Т. 20(59). – Симферополь, 2007. – 125 с.
5. *Хузиятова, Н. К.* Разработка категории субъектности в китайском литературоведении 1980-х годов / Н. К. Хузиятова // Сибир. филол. журн. – 2009. – № 2. – С. 109–113.
6. *Liu, Zaifu.* Lun wenxue de zhutixing / Zaifu Liu // Wenxue pinglun. – Beijing, 1985. – Part 1. – № 3. – P. 11–29. = Лю, Цзайфу «Лунь вэньсюэ дэ жути син» (О субъектности литературы. Вэньсюэ пинлунь). – Пекин, 1985. – Ч. 1. – № 3. – С. 11–29.
7. *Смирнова, М. А.* Понятие «метафора» и подходы к её изучению / М. А. Смирнова // Филология и литературоведение, 2014. – № 9. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/09/960> (дата обращения: 20.01.2025).
8. *Колесников, А. С.* Проблема субъективности в постструктурализме / А. С. Колесников // Формы субъективности в философской культуре XX века. – С.-Петербург. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 79–106.

9. *Хузиятова, Н. К.* Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х гг. как поиск идентичности в контексте глобализации : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Надежда Константиновна Хузиятова. – СПб., 2008. – 226 с.
10. *Glicksberg, Ch. I.* The ironic vision in modern literature / Ch. I. Glicksberg. – Springer, 2012. – 268 p.
11. *Соковнин, В. М.* Фасцинология. Прологомены к науке о чарующем, доминантном и устрашающем поведении животных и человека / В. М. Соковнин // Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – Гл. 7. – 149 с.
12. *Махаев, М. Р.* Семантика метафорических высказываний: к парадигмам метафоры в современной аналитической философии / М. Р. Махаев // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2. – С. 147–156.
13. *Гордей, А. Н.* Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений / А. Н. Гордей // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2014) : материалы IV междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 20-22 февраля 2014 года) / редкол.: В. В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИР, 2014. – С. 49–64.
14. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
15. 大 БКРС = Большой китайско-русский словарь. – URL : <https://bkrs.info> (дата обращения: 20.01.2025).

Поступила в редакцию 21.04.2025